

УДК 070

DOI: 10.17223/19986645/54/15

В.А. Сидоров

ЦЕННОСТИ МИНУВШЕГО В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: ОСМЫСЛЕНИЕ 100-ЛЕТИЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Анализируются тенденции в освещении 100-летия Октябрьской революции в массмедиа. Рассматривается роль коммуникативной памяти в передаче смыслов исторического события из прошлого в настоящее. Выделяется значение журналистики как субъекта коммуникативной памяти и ее носителей – СМИ – на примере газет разной политической ориентации, анализ которых выявляет приоритеты коммуникативной памяти в зависимости от учредителя издания. В основе исследования – методология ценностного анализа медиа.

Ключевые слова: журналистика, медиадискурс, коммуникативная память, картина мира, ценностный анализ, «отнесение к ценности».

1. Журналистика как оживляющая память

Личность создается памятью. Память формирует общество. Есть людская – коллективная – память, и есть память человека – индивидуальная. Она сохраняет облик минувшего, но если видит в нем негативное содержание, – тогда меняются образ минувшего, иерархия и ценностные смыслы суждений прошлого и о прошлом, но сама память не уходит, просто она избирательна и всегда актуализирована. Еще Ю.М. Лотман отмечал «*законы памяти*, при которых прошедшее не уничтожается и не уходит в небытие, а, подвергаясь отбору и сложному кодированию, переходит на хранение, с тем чтобы при определенных условиях вновь заявить о себе» [1. С. 615]. Не потому ли мы от предков унаследовали, что человек без памяти достоин презрения – его называют «беспамятным», «Иваном, не помнящим своего родства», а по версии Чингиза Айтматова, манкуртом – потерявшим или насильно лишенным памяти своего народа и взамен получившим чужеземное восприятие мира, чаще всего некое суррогатное – ни свое, ни чужое. Народ без памяти разрушается, гибнет, перелицовывается на чуждый манер, начиная с языка, потому что «разные языки подразумевают разный характер памяти», а еще – «без общей памяти невозможно иметь общий язык» [2. С. 616]. Память человека – индивидуальная и коллективная – имеет историческую природу, социально обусловлена, поэтому социальная память имеет для нас особое значение, представляя собой «систему хранения, переработки и передачи социально значимой информации, необходимой для функционирования общества... Социальная память – основа и условие существования индивидуальной памяти» [3. С. 410–411].

Жизнь – это память, а искажение памяти – шаг в небытие. «Нельзя изменить фактическую вещьную сторону прошлого, но смысловая, выразительная, говорящая сторона может быть изменена...» – пишет М.М. Бахтин и выделяет «роль памяти в этом вечном преобразении прошлого» [4. Т. 5. С. 9]. В контексте высказывания философа и мы отметим, что журналистика представляет собой живую, преобразующую память социума, день за днем фиксируя события, факты, мнения. «Историками своего времени» некогда назвал журналистов А.Н. Радищев. Но журналистика не только летописание. Она подобна памяти каждого живущего, на свой манер оживляет для аудитории картины давнего и недавнего прошлого, желая «воздействовать на действительность, предъявляя ей ее правдивое отображение... предельно точно запечатленного каждого дня современной истории» [5. С. 295]. Но именно в этом понимании журналистика не столько история, сколько память. История все же представляет собой упорядоченное знание, тогда как память причудлива, сбивчива, бывает короткой и долгой, изменчивой и верной. Как жизнь. Как журналистика. И как жизнь она вступает в диалог с историей, становясь частью ее культуры, выступающей «основой *формирования потоков новых смыслов, новых интерпретаций*» [6. С. 379]. Журналистика вбирает в себя взаимосвязанные слои рефлексии общественного сознания по поводу бытия. Самый заметный, актуальный, слой дискурса – публичное обсуждение текущих социальных проблем. При этом обсуждение настоящего потенциально содержит в себе готовность к переходу на более глубокий слой медийного дискурса – историко-культурный, ибо причины возникновения новейших социальных проблем можно рассматривать в качестве продолжения уже когда-то поставленных на обсуждение: «...смыслы в памяти не “хранятся”, а растут» [7. С. 674–675]. Третий, и самый глубокий, слой отражаемого журналистикой дискурса – гносеологический – о познании личности, общества, государства, ценностных смыслов жизни, добра, красоты, следовательно, в то же время и аксиологический.

В историко-культурном медиадискурсе выделяются, прежде всего, журналистские практики важнейших каналов массовой коммуникации, включая сетевые. Журналистика воспроизводит (организует, формирует, поддерживает) дискурсивные практики по актуализируемым, наиболее спорным для общества вопросам истории. Тем самым в СМИ создаются картины минувшего, в которых обнаруживаются как приметы позднейших событий, так и современные журналистскому производству, а в аудитории СМИ закладываются определенные представления о прошлом. Это еще не совсем коллективная память, а только часть культурного – через медиа – освоения мира, его прошлого и настоящего. Однако новые интерпретации событий минувшего всегда актуальны, но не всегда достоверны – память может быть искаженной, потому что она «удерживает образы событий и лиц с отчётливой позитивной или негативной окраской... Полярные образы триумфа и страдания, жертвенных и победоносных героев, коварных и жестоких врагов структурируют память... помогают давать определения

текущим ситуациям» [8. С. 43]. Только сохранять память недостаточно, надо знать, во имя чего и для кого ее беречь, а здесь, как всегда, «суровый опыт подтверждает, что все упирается в общечеловеческие вопросы, вопросы добра и зла» [9. С. 49].

Индивид наших дней подобен конструкту из материалов современной «массовой культуры», в которой расставляются новые значения и оценки прошлого, и он тянется к заново создаваемой и тщательно редактируемой памяти, ищет показавшиеся ему новыми интерпретации и смыслы прошлого, настоящего и вероятного будущего. «Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить, а что подлежит забвению... Однако меняется не только состав текстов, меняются сами тексты... Тексты прошлого генерируют новые тексты» [8. С. 39], главным образом в каналах массовых коммуникаций, прежде всего сетевых. Так осуществляется, воспользуемся словами Ульриха Бека, «фабрикация символов культуры», ведущего к «единому товарному миру», в котором «бытие становится дизайном» [10. С. 81, 82] и «меняются технологии формирования общественного мнения» [11. С. 82]. И если память – о добром и злом, победах и поражениях – живительная часть бытия, то ее современный облик означает согласование противоречий в сознании человека – из позитивно понимаемого им прошлого черпаются силы жить сегодня. Для индивида массового общества культурные коды минувшего осовременивает политическая конъюнктура, и «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой» всякий раз выглядят иначе. Но если политическая конъюнктура меняет культурные коды, то где гарантия, что новый облик прошлого более верен, более точен по сравнению с предыдущим и адекватен некогда реально случившемуся – это вопрос о подлинности памяти. Гарантией положительного ответа выступает целостность ядра культуры, представляющего собой, указывает М.К. Кантор, «бытийственную форму сознания, относящуюся к сфере социальной онтологии». Но и философ признает утрату подлинности культуры, разрушения целостности ее ядра [12. С. 11]. Все это еще более осложняет оценку прошлого.

В прошедшем человек оживляет идеи и ценности, в которых усматривает актуальные ответы на вопросы своего бытия, потому что идея – это и есть «возможный выход за пределы сложившейся противоречивой ситуации – за рамки существующего положения вещей и выражающих его понятий» [13. С. 344]. Утрата прежней целостности ядра культурной памяти и попытка обретения новой – вечное противоречие истории. Человек всегда будет переоценивать давно минувшее, и будет это делать с равными шансами на победу и поражение, открытия и заблуждения. Потому что у каждой эпохи свой социокультурный рисунок и свои возможности изменения культурной памяти социума. Зерно рефлексии о минувшем прогрессивно: «...разность, дифференциал – вот что дает смысл» [9. С. 51]. Переоценивать страницы исторической памяти – значит обретать ее новые смыслы. «Можно поэтому сказать, что смысл истории означает направленность ее на какие-то ценности...» – пишет А.А. Ивин, разделяя ценности

на объективные и субъективные [14. С. 259–260]. В связи с чем характеризует аксиологический подход к событиям и явлениям прошлого: «..если истории приписывается объективный, не зависящий от деятельности человека смысл, аксиология вырождается в рассуждения о том, как может человек способствовать реализации той глобальной цели, которая, в общем-то, объективно не зависит от его деятельности... Аксиология обретает пространство для своего существования только в случае, если человеческой истории придается субъективный, зависящий от деятельности человека смысл» [14. С. 267–268].

В XXI в. интерпретации ценностей памяти ускоренно перемещаются в медиа. На каналах массовой коммуникации прошлое подвергается селекции и трансформации, ему придается новое значение. Особым вниманием аудитории пользуются передачи, в которых предметом дискуссий стали персонажи политической истории страны, события прошлого. Однако «истинное интересует массмедиа лишь в очень ограниченных пределах... Проблема поэтому состоит не в истине, а в неизбежной, но вместе с тем желанной и управляемой селективности» [15. С. 47]. Культурная память в ее медийном выражении приобретает новую ценность, неадекватную предшествующей. «Предпочтение отдается *конфликтам*... Это порождает напряжение...» – писал Н. Луман [15. С. 49–50]. В социальном напряжении А.С. Ахиезер усматривает динамику, которая «может нести в себе потенциально опасные точки, угрожающие [обществу] расколом... Фокусы, несущие эти потенциальные угрозы, существуют в разной форме и степени в любой культуре» [6. С. 379].

«Культурный код – это традиционный устойчивый способ передачи знаний о мире, а также навыков и умений в данной культурной эпохе» [16]. В массовом обществе культурные коды понимания минувшего во многом вырабатываются практикой маскульта. «Пространство массовой культуры образуют доступные “послания”, передаваемые по каналам массовой коммуникации... и рассчитанные на “средний” уровень смыслов» [17. С. 12], отчего в нынешнем столетии для «переинтерпретации памяти» особое значение приобрели, во-первых, свойства технологически модернизируемого массового сознания и, во-вторых, медийные факторы эпохи, в которых можно усматривать истоки дискурсивных практик, когда «память конструируется не только “сверху”, правящими элитами, но и “снизу”, со стороны подчинённых групп» [8. С. 50; 11. С. 80]. И если «массовое сознание является сложным, системным образованием, в котором запечатлены знания, нормы и ценности, разделяемые массой» [18. С. 138], то его современными свойствами становятся, с одной стороны, отказ от культурных нормативов публичного общения, с другой – интенсификация проявлений в сетевой среде, подчеркивающая предрасположенность к спонтанному формированию социально заметных дискурсов.

В контексте социального модерна дискурс означает «некую способность свободной общественности обсуждать – рефлексировать, реконструировать, критиковать предпосылки социального бытия» [19. С. 327].

В стратифицированном обществе функционирование дискурса двойственно: с одной стороны, это институт формирования идеологических доминант в обществе, прививаемых ему правящими кругами через контроль над СМИ, с другой – это противоиinstitut отторжения навязываемых ценностных приоритетов. В реальности оба дискурсивных начала сливаются, образуют совокупность, характеризующую общественное сознание, его отношение к социально значимой памяти. «Традиционные формы воспроизводства и трансляции культуры и межличностного общения, еще вчера казавшиеся незыблемыми и устоявшимися, резко изменились» [18. С. 212].

2. «Три разные памяти»: парадигма ценностного анализа

Среди внешних измерений памяти Я. Ассман, в частности, выделяет коммуникативную память – язык и коммуникацию, а также культурную память – передачу смыслов [20. С. 20]. И поскольку человек ищет в прошлом смыслы минувшего, постольку его «обращение к исторической памяти происходит избирательно в непосредственной связи с настоящим, под влиянием текущих событий ассоциативно “активируются” ее непосредственные пласты» [21. С. 109], но всплывают они в памяти с неоднозначными оценками, память амбивалентна. Понимание прошлого порождено настоящим, его медийными процессами, в которых у журналистики особая и, как обнаруживается, противоречивая роль: журналистика как субъект медиа вырабатывает не столько собственные интерпретации истории, сколько репродуцирует принятые интеллектуальной и политической элитой. В то же время ни в среде журналистов, ни в научном сообществе не было и нет общего подхода к минувшему, нет единства в оценках его персонажей, и медийные картины истории несвободны от ее противоречивых трактовок субъектами информационного взаимодействия.

Выдвинутый М. Вебером принцип «отнесения к ценности», включенный в методологию теории ценностей, позволяет приблизиться к объективному пониманию предмета анализа – сложившимся в российских СМИ тенденциям в оценках такой важнейшей страницы отечественной и мировой истории, как Октябрьская революция. Корректность применения веберовского метода зависима от концепции исследования в целом. Так, в качестве концептуального условия применения принципа «отнесение к ценности» мы избрали зафиксированное Константином Симоновым суждение Маршала Советского Союза Г.К. Жукова: «Есть в жизни вещи, которые невозможно забывать, но помнить их можно по-разному. Есть три разные памяти. Можно не забывать зло. Это одно. Можно не забывать опыта. Это другое. Можно не забывать прошлого, думая о будущем. Это третье» [22. С. 139]. Фактически перед нами план структурированного наблюдения – медийные тексты могут быть последовательно рассмотрены по названным аспектам памяти.

Центральной ценностью исследования, относительно которой раскрывается артикулируемая в СМИ память российского общества, выступает

концепт «Октябрьская революция». По нашей гипотезе, публичная полемика, какой же на самом деле была Октябрьская революция, указывает на невозможность непосредственной апелляции к знанию истории, т.е. самого события, тогда как установка условного символа «Октябрьская революция» в качестве дискутируемой ценности позволяет сосредоточить основное внимание на доминантах памяти в журналистике.

Метод ценностного анализа медиа привлекает к себе внимание теми особенностями, которые предопределила ему философская теория ценностей. Во-первых, аксиология в определенной степени «исправляет» присущий другим методологическим подходам недостаток гибкости в оценке результатов исследования, не провоцирует категоричность, так как при включении в исследовательскую процедуру реестра ценностей аналитик уже руководствуется склонностью к компромиссу, ему понятно, насколько короток список тех ценностей, на которых могут сойтись люди и культуры. Во-вторых, ценностный анализ медиа позволяет заново посмотреть на зоны устойчивого недоверия в социально стратифицированном обществе.

В исследованиях медиа окончательно избавиться от проявлений субъективного начала нельзя в принципе, но стремиться свести их к минимуму необходимо, и прежде всего за счет адекватной операционализации понятий. Поэтому три понимания памяти из образного суждения Г.К. Жукова обозначим как предпонятия, возможно применимые к почерпнутым из медийных текстов оценкам революции. Корректная интерпретация предпонятий связана с их отнесением к иному контексту.

Безусловно, свою память Г.К. Жуков относил, прежде всего, к событиям Великой Отечественной войны, которая в нашей стране сама по себе явилась злом для всех и каждого. Но воспринимая ее как историческую данность, полководец понимал под «злом» любые непродуманные действия командного состава Красной армии, политического руководства страны, которые вели к неоправданным людским потерям, поражениям в сражениях, деморализации армии. Такое понимание зла следует из контекста записей К. Симонова бесед с Г.К. Жуковым. «Опыт» для маршала означал понимание всех составляющих военно-политической истории, стратегии и тактики, воинского духа рядового и командного состава, которые вели к победам и учет которых ложится в основание искусства ведения войны. Опыт, обращенный на перспективу военно-политических аспектов мирового исторического процесса, выступает как синтез изучения прошлого с размышлениями о будущем.

В нашем анализе ареал значений слов полководца расширяется во времени и распространяется на историческое событие иного рода, в иной плоскости истории – революционное преобразование государства и общества. Поэтому операционализация понятий опирается на контекст выборки газетных публикаций о столетии Октябрьской революции.

Это в общей сложности 239 текстов в изданиях (рис. 1), которые типологически выглядят следующим образом: одна региональная газета и три федеральные; две ежедневные и два еженедельника; две газеты, непосред-

ственно связанные с органами власти и управления, и две независимые от них; три лояльных политике государства издания и одно оппозиционное. Предварительный анализ их публикаций показал, что в основном материалы представлены в трех жанрах: 1) аналитическая статья; 2) круглый стол историков / беседа корреспондента со специалистом(ами); 3) информация / хроника, контекстно связанная с историей революции. Если три вида памяти абстрагировать от той конкретности, которую подразумевал Г.К. Жуков, то можно убедиться, что они, адаптированные к контексту революционных событий столетней давности, позволяют получить пригодные для последующей интерпретации данные.

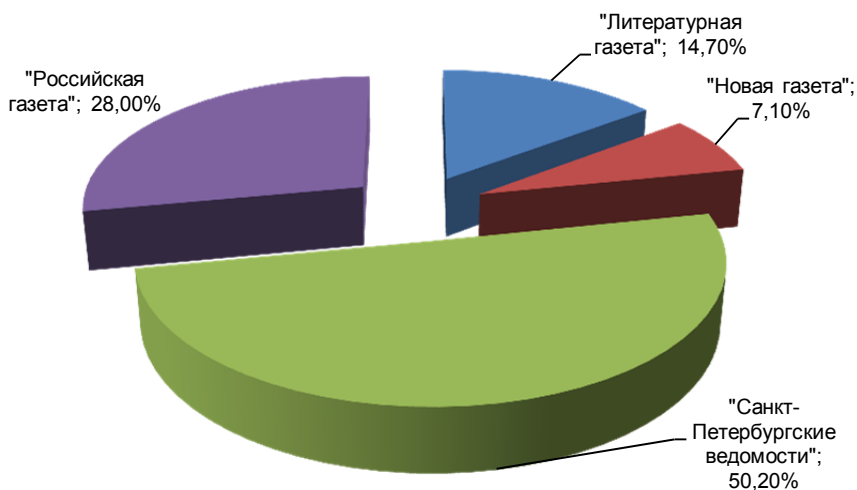

Рис. 1. Распределение публикаций по газетам

«Не забывать зла» – посыл свойствен негативному восприятию революции как события, приведшего, как полагают публицисты, к отставанию России от развитых стран, трагедии народа и массовым политическим репрессиям, поэтому не может быть примирения с прошлым: «К 100-летию бедствия вновь вспомнили о национальном примирении», – пишет публицист А. Рубцов, и напоминает, кого с кем примирить невозможно: «белых» и «красных», коллективизаторов с раскулаченными, «большевиков со всеми, кого в январе 1918 года вытолкнул из политики усталый караул», поэтому для него официальное примирение, о котором сто лет спустя после революции говорят политики и публицисты, насквозь фальшиво: «Примирение через колено, которое сейчас навязывают, означает лишь одно: столетняя война в России будет продолжена и будет длиться, пока “победители” не сожрут оставшийся ресурс и самих себя» [23]. В этой трактовке во-

жди революции воспринимаются как отрицательные персонажи истории: «Ленин знал твердую точку опоры – “Есть такая Партия!”. Он играючи взял власть... Фактически Ульянов перезапустил Империю Романовых, вместо прежнего авторитарного создал небывалый тоталитарный строй» [24]. В целом негативное представление «исторический факт революции как “зло”» доминирует в публикациях «Новой газеты».

Тем не менее в изученных публикациях присутствует и другая трактовка «зла» – социально-политическое устройство страны как тормоз ее развития. «Зло» – не само событие, а причины, которые к нему привели: «...куда деться от аграрного, рабочего или национального вопросов? А разве не возникал антагонизм между состоятельными классами, в цивилизационном плане четко ориентированными на западные образцы, и народом, который стоял на исконных, традиционных ценностях? Свои проблемы имелись и внутри правящего слоя, расколотого на костную бюрократию, вороватую буржуазию, а также и у хронически хворающей оппозиционностью всему и вся интеллигенции...» [25. С. 3]. Такое понимание приведшего к революции «зла» отмечается в редких публикациях «Российской газеты»; чаще в «Санкт-Петербургских ведомостях», где эту линию целенаправленно вел историк В.В. Калашников.

Таким образом, важнейшим индикатором памяти в качестве посылки «не забывать зла» следует считать в высокой степени негативную оценку либо самой революции, либо вызвавших ее причин. Авторы публикаций с доминированием этого вида памяти считают Гражданскую войну, политические репрессии тридцатых годов закономерным продолжением Октябрьской революции, критикуют правящие круги за двойственное отношение к памяти о советском прошлом: с одной стороны, негативно оценивается революция, с другой – трагически воспринимается крушение СССР. Сложно составленная оценка революции и всей послереволюционной истории является еще одним индикатором вида памяти «не забывать зла». В этом аспекте показателен специальный выпуск «Российской газеты», в котором историками и экономистами анализируются уроки Великой русской революции. Позитивные оценки связываются с фактами ускоренной модернизации экономики – «ее мобилизационная модель обеспечивала СССР паритет с западными державами» (Ю. Петров, историк); «удалось сохранить целостность Российского государства» (Г. Попов, экономист). Негативные оценки исходят из других фактов истории, среди которых «гигантский расход человеческих жизней. Коллективизация, репрессии» (Г. Попов); «агрессивный государственный атеизм» (А. Закатов, представитель Дома Романовых); «советское правительство обрекло страну на экономическую блокаду» (Ю. Петров) [26].

«Не забывать опыта» – этот вид памяти прослеживается в информационных материалах, прежде всего, историко-культурного плана. В них отмечается стремление к объективному и беспристрастному описанию событий прошлого, без явных оценок и выводов. Отсутствие оценок выступает в качестве индикатора этих публикаций. В «Санкт-Петербургских

ведомостях» – 15 публикаций, к ним можно приплюсовать 75 сугубо информационных материалов (38% от выборки в целом): в них раскрывается какая-либо сторона жизни 1917 г., описывается топография событий [27]; в «Российской газете» отметим информационные сообщения о тематически связанных с революцией телесериалах, реставрации реликвий прошлого – 37 публикаций (15% от выборки в целом): например, о съемке фильма режиссером В. Хотиненко, сообщение о часах с фигурой носорога в Зимнем дворце и пр. [28]. Общий знаменатель все тот же – отсутствие оценок. При этом публицисты предлагают изъять дискуссию об Октябрьской революции из медийного дискурса, лишить ее актуального характера: «Самое главное – вернуться к естественному ходу жизни. Вот когда вы повернетесь к реальности, у вас уже не будет искушения искать рецепты в прошлом» [29].

Не надо полагать, что редакции в определении своих идеологических предпочтений следуют неким явным указаниям «сверху», в настоящее время влияние властной политической элиты на СМИ скорее опосредованное, нежели прямое. Свое воздействие на идейную позицию авторов публикаций оказывает множество факторов – запрос аудитории; точка зрения издателя; глубина исторической памяти журналистов; оценки прошлого в широко тиражируемых высказываниях президента страны и т.д. В конечном счете синтезируется социальный заказ, воспринимаемый журналистикой. Социальный заказ предопределяют умонастроения социума, а они, как видно из материалов ВЦИОМ, показывают, что в обществе «последствия Октябрьской революции для страны оцениваются положительно (38% – “она дала толчок социальному и экономическому развитию страны”, 23% – “она открыла новую эру в истории России”), причем об этом говорит не только старшее поколение, но и молодежь» [30].

Итак, индикаторами этого вида памяти выступают: отсутствие в газетных материалах оценок революции; отрицание актуальности общественной дискуссии о событиях 1917 г.

«Не забывать прошлое, думая о будущем» – публикации, в которых наиболее силен этот вид памяти, в некоторой мере полемического характера; оценивая уроки Октябрьской революции, апеллируют к современной российской истории, определяют значение революции для будущего.

Однако этот вид памяти вызвал наибольшие затруднения в его идентификации в публикациях. Участники медиадискурса о столетии революции в своих выводах отразили не столько идейные предпочтения, сложившиеся в российском обществе, сколько наиболее ходовые интерпретации прошлого, циркулирующие в среде гуманитарной интеллигенции. Именно поэтому обнаружилось разночтение: если, по данным ВЦИОМ [30], на дату опроса (11.10.2017) отмечается выявленный за 10 лет рост положительных оценок таких разных политических фигур истории, как Николай II (с 42 до 60%), Дзержинский (с 44 до 57%), Ленин (с 50 до 53%), то общая тональность изученных текстов, где называются эти исторические персонажи, общероссийской тенденции не отвечает. Так, в «Новой газете» Ленин вос-

принимается однозначно в негативном ключе, в «Российской газете» и «Санкт-Петербургских ведомостях» авторы журналистских выступлений стараются не выходить за рамки умеренного подхода. И только «Литературная газета» раздвигает границы сложившейся газетной практики: «Нам не хватает глубины ленинской мысли, его решительности и воли в преодолении глубочайших противоречий, в которых оказалось наше общество из-за опрометчиво совершённых четверть века назад столь же скоропалительных, сколь и ошибочных “реформ”». Следом выводится позитивная оценка Октябрьской революции, которая разрушила прежнее социально-политическое устройство страны как тормоз ее развития [31. С. 12].

3. Приоритеты памяти: анализ распределения по изданиям

Часть изученных газетных публикаций указывает на проективность интеллектуального настроения публичного диалога в качестве актуальной социальной ценности, на желание извлечь из истории уроки. Как отметил историк Сергей Полторак, «уроков много. Во-первых, власть должна уважать свой народ. Иначе это чревато революцией. Во-вторых, политические партии должны научиться договариваться между собой. События 1917 года показали – когда политики не могут прийти к компромиссу, проигрывают все» [32. С. 6]. Однако позиция историка не показательна для «Санкт-Петербургских ведомостей» (рис. 2), в газете доминируют материалы информационного характера, хроника событий без их оценки.

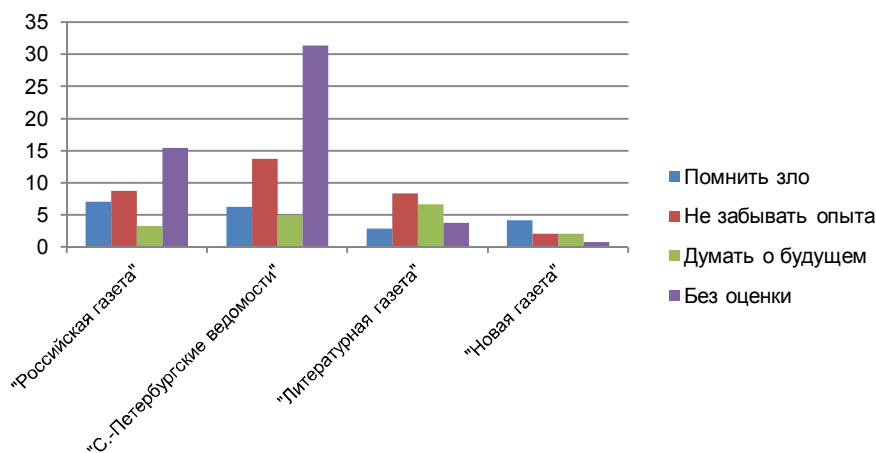

Рис. 2. Оценки революции по газетам и категориям (% от общего числа публикаций)

«Новая газета» (рис. 2), подчеркивая эпохальное значение революции 1917 г. в целом, заняла непримиримую позицию по отношению к Октябрю, революционному движению вообще. Публикации на эту тему носят раз-

вернутый характер, занимают значительные газетные площади. Наиболее явно выступает в них такой параметр памяти, как «не забывать зла» (11 эпизодов в 17 публикациях). Например, Г. Явлинский, придерживаясь концепции «Октябрьская революция как преступление» и переводя ее понимание в плоскость современности, где, как он полагает, по-прежнему силен большевизм, заявляет, что «современный большевизм включает в себя и квазиобщественный договор о нераскрытии преступлений, берущих своё начало в октябре 1917 года, о забвении их жертв, продолжении корыстного искажения отечественной истории, полным смешением в ней до неотличимости добра и зла» [33]. Немногочисленным выступлениям газеты на тему революции свойственно стремление проецировать опыт прошлого на политическое будущее страны. Этим отмечена каждая третья публикация газетной выборки. Также следует сказать, что «Новая газета» на своем интернет-сайте размещает больше материалов о революции, чем в бумажной версии, за счет публикации текстов выступлений политиков, лекций историка, которые не вписываются в традиционный газетный формат. Очевидно, что эти материалы столь важны для редакции, что неприемлема даже попытка ввести лекцию в традиционный формат газетной статьи, так как потребуются сокращение текста. В этом плане обратим внимание на лекцию профессора Андрея Зубова, квинтэссенцией которой можно считать следующие высказанные им положения: во-первых, «восемь месяцев (от Февраля к Октябрю) были не чем иным, как всё убыстряющимся падением 180-миллионной страны в страшные объятия коммунистической диктатуры»; во-вторых, «уже сто лет мы живем без России, мы живем в государстве некоем, созданном большевиками» [34]. Эти положения, укладываясь в параметры вида памяти «не забывать зла», по сути являются индикатором отношения «Новой газеты» к прошлому.

По результатам наблюдений за публикациями 2017 г. в «Литературной газете» (рис. 2) отмечается доминирование памяти «не забывать опыта» (20 эпизодов в 35 публикациях выборки). В своей политической оценке Октябрьской революции газета выступает как идеолог преодоления современного раскола нации: «...вокруг “столетия” заварилась никчёмная война между царским и советским в трактовке исторических мифов, во взаимных обвинениях и провокациях. Отношение к событиям столетней давности, даже столь значительным, – не повод для нового раскола» [35. С. 4]. Особенность идейной позиции газеты и в том, что именно в этом издании оказывается наиболее значительным удельный вес выступлений с осмыслением опыта прошлого ради будущего страны: фактически каждое второе выступление отвечает этой тенденции. Другая особенность выступлений «Литературной газеты» – минимальность показателя «не забывать зла», всего 7 эпизодов из всей выборки.

«Российская газета» – официальный орган правительства страны, и ее историческая аналитика сдержанно демонстрирует императив памяти «не забывать прошлого, думая о будущем»: 8 раз в 67 публикациях. В основном среди выступающих идейно-политический подход к революции укладывается в формулы «не забывать зла» (17) и «не забывать опыта» (21).

Итоги обзора тенденций анализируемых газет в освещении Октябрьской революции показали, что не все отмеченные нами их типологические характеристики в равной мере определяющие для выработки идейной позиции изданий в оценках революции. Решающими стали связь редакций с органами власти и управления как своими учредителями, а также ранее утвердившаяся в политике редакций лояльность / оппозиционность власти. У «Российской газеты» и «Санкт-Петербургских ведомостей» среди учредителей правительства России и Санкт-Петербурга соответственно. Если под этим углом зрения рассматривать публикации названных изданий, то нельзя не отметить в них доминирование информационной составляющей, а также такого тяготеющего к нейтральному освещению революционного прошлого параметра памяти, как «не забывать опыта». Выходит, что в этих газетах происходит сознательная нивелировка возможных крайностей в оценках, и поэтому другие виды памяти – «не забывать зла» и «не забывать прошлого, думая о будущем» – не удостоились того внимания, которое проявилось к ним в «Литературной газете» и «Новой газете». В этих газетах, несмотря на малое число публикаций, полярность суждений доминирует.

И все же не полярные точки зрения авторов газетных публикаций об Октябрьской революции определили смысл такого вида памяти, как «не забывать прошлое, думая о будущем». Приоритеты смысла возникли в коллективных «отнесениях к ценности». Таковы круглые столы историков, философов, политологов в «Российской газете» и «Санкт-Петербургских ведомостях» (всего по 2 публикации в каждом издании) [36]. Эти материалы несут в себе проявления разных видов памяти, образуя из них сложные комбинации, сказываются глубина и многоплановость суждений авторов газетных выступлений: оценки участников дискуссий, как правило, носят взвешенный характер, в качестве аргументов подбираются факты, не вызывающие сомнений в их достоверности. Поэтому завершаются круглые столы, если не консенсусом, то очевидным компромиссом в проективной части дискуссии по поводу значимости Октябрьской революции для исторического пути России.

Но достигаемое согласие как медиасобытие происходило не часто, и его следует отделять от другого медийного явления – «омнибусов» П. Бурдые, представляющих собой «медийные факты, которые не разделяют (участников дискурса. – В.С.) на враждующие стороны и вызывают всеобщий консенсус» [37. С. 32]. «Консенсус омнибуса» выступает как проявление искусственного согласия, вызванного функционированием СМИ в русле «массовой культуры», в которой по определению занижены культурные нормы и ценности памяти, рассчитанные на «средний» уровень смыслов. В этих условиях «"массовая культура" формирует новые механизмы социального наследования прошлого,.. где архетипы (памяти) обретают новое звучание, воплощаясь в компьютерных технологиях, отчужденных от смыслового пространства повседневности» [18. С. 215].

4. «Омнибусы» медийного дискурса о революции

Предпринятая классификация газетных материалов по видам памяти показала, что процедура структурированного наблюдения позволила определить медиатенденции в освещении 100-летия Октябрьской революции. Однако полученные результаты поставили новые вопросы, среди которых, прежде всего, в какой мере выявленные тенденции тождественны социальному запросу.

Зафиксированные в текстах формализованные показатели видов памяти (по Г.К. Жукову) представлены в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Доминирующие в СМИ виды памяти (по Г.К. Жукову)

Виды памяти	Количество публикаций	Количество публикаций в %
«Не забывать зло»	49	29,0
«Не забывать опыта»	79	46,7
«Не забывать прошлое, думая о будущем»	41	24,3
Итого	169	100

Полученные данные представлены за вычетом нейтральных информационных сообщений – исторических зарисовок, культурной хроники настоящего, политической хроники прошлого. В определенном смысле резонно: если информация об открывшейся в Русском музее выставке картин об эпохе революции имеет непосредственное отношение к событию, их авторы жили в те же годы [38], то сообщение о показанном на киностудии «Ленфильм» огромном макете крейсера «Аврора» [39] не связано с реальными событиями 1917 г. и потому оказывается вне поля данного исследования. Однако изучение текстов показало, что журналистские практики не в полной мере тождественны формуле Г.К. Жукова о видах памяти. Так, его тезис «не забывать прошлое, думая о будущем» включает в себя высокий уровень требовательности к прогностике, который так и не был достигнут публицистами: их осмысление уроков революции ограничилось призывом не повторять ошибки во взаимодействии власти и общества, решать острые социальные проблемы своевременно [32]. Даже интервью историков не выходят за рамки хроникального жанра [40]. Если обратиться к текстам, в которых отмечался другой вид памяти – «не забывать опыта», то и они в конечном счете отличались нейтрально-академическим подходом и по сути примкнули к численно значительной группе безоценочных информационных сообщений о событиях вековой давности. Напротив, в публикациях, соответствующих параметру «не забывать зло», подчеркнуто осовременивание исторической памяти, они явно выделяются среди всех остальных материалов, авторы которых избегают определенности суждений. Таким образом, две из трех градации памяти, соотнесенные с публикациями, не принесли значимо отчетливых результатов, что не позволяет сделать заключение о характере взаимодействия исторической памяти социума, с одной стороны, и памяти, формируемой в

журналистике, – с другой. В этом случае необходим вторичный анализ первичных данных на основе обновления модели выборки [41. С. 18].

Учитывая возникшую неопределенность в идентификации публикаций по таким параметрам памяти, как «не забывать опыт» и «не забывать прошлое, думая о будущем», объединим их в одну рубрику, получив 120 единиц подсчета, которые, отметим, неэквивалентны числу публикаций, так как в материалах круглых столов, бесед историков обнаруживаются разноименные оценки прошлого. Сюда же добавим данные из числа взятых в обработку зарисовок, исторических фактов и хроники событий прошлого (91 газетный текст), кроме тех, что непосредственно не относятся к выраженной в медиа исторической памяти (32 текста): репортаж о том, как коммунальные службы чистят к зиме памятник Ленину [42. С. 1] или упоминание театрального вечера Радзинского, на котором была представлена его драма, посвященная Октябрьской революции [43]. В итоге объем выборки для вторичного анализа – 260 единиц счета.

В обновленную выборку вошли: 49 материалов с тезисом «не забывать зла» (19%), поделенные между теми, кто под «злом» понимает саму революцию, и теми, кто видит «зло» в социально-политических причинах, приведших к ней (13 и 6% соответственно); 211 материалов, в которых или нет какой-либо оценки революции, или присутствуют признаки концепта «разрушение». Концепт «разрушение» представлен лексемами, в своих смыслах отражающих как негативные процессы гибели, разложения, развала, исчезновения, утраты чего-либо в результате революции – империи, армии, крестьянства, привычного уклада жизни, культуры, так и позитивные – окончательного устранения царского режима, в целом мира угнетения, всеобщей безграмотности, экономической отсталости. Факты концепта «разрушение» только констатируются, подаются без оценок и выводов; публикации не провоцируют деление аудитории на враждующие стороны в ее оценках исторического события, т.е. возникает описанный П. Бурдые эффект «омнибуса», в данном случае в медийном дискурсе о революции. В текстах «омнибуса» выделяются два маркера: 1) *отсутствие* в журналистских выступлениях оценок революции; 2) *наличие* в публикациях концепта «разрушение» в контексте дискурса о революции.

Российский «консенсус омнибуса» в дискурсе о революции приобрел специфические черты, в его основе особенности общественного сознания, которые в значительной мере предопределили социальный заказ журналистике. По результатам изучения общественного мнения, проведенного ВЦИОМ в октябре 2017 г. [30], привлекают к себе внимание ответы респондентов на вопрос социологов «Какие чувства у Вас вызывают следующие деятели времен революции?». Этот вопрос задавался и ранее, поэтому была возможность показать динамику отношения общества к той или иной политической фигуре 1917 г. (рис. 3).

Отмеченный социологами рост симпатий к политическим фигурам эпохи революции вызван рядом социокультурных факторов. Выделим некоторые, относящиеся к предмету нашего анализа.

Какие чувства у Вас вызывают следующие деятели времен революции?				
Деятели эпохи революции	Годы	Вызывает скорее симпатию	Вызывает скорее антипатию	Затрудняюсь ответить
Николай II	2017.	60	20	20
	2008	44	22	34
	2005	42	28	30
Дзержинский	2017	57	19	24
	2008	40	24	36
	2005	44	28	28
Ленин	2017	53	30	17
	2008	42	30	28
	2005	50	32	18
Сталин	2017	52	30	18
	2008	28	48	24
	2005	37	47	16
Колчак	2017	35	37	28
	2008	32	30	38
	2005	20	41	39

Рис. 3. Динамика отношения в российском обществе к деятелям эпохи революции 1917 г. (данные ВЦИОМ, %, фрагмент)

Во-первых, значительна роль «массовой культуры» и ее распространения через медиа. Так, Колчак в телесериале «Адмирал» получил трактовку, прежде всего, как офицер, любящий свою женщину, и только потом как участник Гражданской войны. Трагизм истории его любви вызывает симпатии зрителей и заслоняет другие стороны фигуры Колчака (примечательно, что, по тем же данным социологов, не показала рост симпатий к себе фигура Деникина). Фигура Николая II, трагического персонажа истории России, многократно вспоминаемая на телевидении, в газетах, кино, также вызвала сочувствие респондентов.

Во-вторых, согласно результатам того же опроса ВЦИОМ 92% респондентов уверены в том, что «что бы ни случилось, сегодня революцию в стране нельзя допустить», хотя при этом 30% все же считают новую революцию вероятной [30]. Результаты объясняют потребность общества в укреплении государственной власти при выражаемом частью респондентов недовольстве фактами социальной несправедливости. Поэтому неслучаен рост симпатий к Ленину как выразителю идей социальной справедливости, а также Дзержинскому и Сталину, олицетворяющим в общественном сознании порядок и твердую власть.

В-третьих, растущее напряжение в международных отношениях повышает значение сильного государства, что обуславливает рост симпатий к персонажам истории страны, которые в глазах общества ассоциативно связаны с могуществом России. Такие особенности общественного сознания нашли свое выражение в медиадискурсе о революции и проявились, прежде всего, в отказе большинства публицистов от ее категорических оценок. Тем самым известно положение П. Бурдьё об «омнибусах», которое в его

труде носит негативную коннотацию, в изучаемом нами медийном дискурсе показывает позитивные аспекты, а наличие значительного числа нейтральных, устраивающих большинство оценок революции воспринимается как должное. Наличие некоторого числа полярных суждений в не очень больших по тиражу «Литературной газете» и «Новой газете» более характеризует сами издания как несущие на себе печать партийных пристрастий, а не выполняющие социальный заказ, формируемый для журналистики общественным сознанием.

Пожалуй, впервые за долгие годы в СМИ отношение к Октябрьской революции не отмечено доминированием полярных ценностных начал. Конечно, сделанный вывод касается прессы, не аффилированной с политическими партиями: из анализа партийная печать была исключена как не имеющая в настоящее время широкого распространения в массовой аудитории. Сегодня в СМИ оценки событий столетней давности ощутимо стали оценками *прошедшего*, уже случившегося, которое в публичной сфере не осовременивается. В этом утверждении мы исходим как минимум из двух положений: во-первых, считаем, что СМИ в своей совокупности отражают важнейшие аспекты актуального общественного сознания, а оно, как показывают данные социологов, не носит конфронтационного характера; во-вторых, преобладание в социуме «массовой культуры» занижает уровень его гражданского самосознания за счет доминирования упрощенных подходов к медийным фактам, усреднения содержания медиа, распространения обывательской философии консюмеризма.

В результате проведенного анализа подтвердился тезис о журналистике как обновляемой живой памяти общества. Журналистика стала ресурсом, в котором сохраняются исторические смыслы, и они же в этом ресурсе растут. Некогда присущая медийному дискурсу полярность суждений об Октябрьской революции преобразовалась в СМИ в последовательную, несколько отстраненную от политической суеты фиксацию больших и малых подробностей прошлого с привлечением новых архивных источников, концепций ученых и политиков. Тем самым сегодня закладываются основы продолжения начатого дискурса на уровне познания ценностных смыслов жизни, добра, красоты, личности, общества, государства.

Литература

1. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Ю.М. Лотман. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки. СПб., 2000. С. 673–676.

2. Лотман Ю.М. Память культуры // Ю.М. Лотман. Семиосфера. СПб., 2000. С. 614–621.

3. *Философский словарь* / под ред. И.Т. Фролова. М. : Республика, 2001.

4. Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук // Собр. соч. : в 7 т. М., 2002. Т. 5.

5. Ученова В.В. Публицистика и политика // Ученова В.В. Три грани теории журналистики. М., 2009. С. 143–344.

6. *Ахиезер А.С.* Социокультурный субъект – перелом на рубеже тысячелетий: презумпция преодоления сложности // Субъект во времени социального бытия: Историческое выполнение пространственно-временного континуума социальной эволюции / отв. ред. Э.В. Сайко. М., 2006.

7. *Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении // Ю.М. Лотман. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки. СПб., 2000.

8. *Васильев А.Г.* Культурная память/забвение и национальная идентичность // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке / отв. ред. Н.А. Кочеляева. М., 2015.

9. *Лифшиц Мих.* Проблема Достоевского: (Разговор с чертом). М. : Академ. проект: Культура, 2013.

10. *Бек У.* Что такое глобализация? / пер. с нем. М. : Прогресс-Традиция, 2001.

11. *Ricceri Marko.* Religious messages and the world of the media: trends and experiences in Europe in the field of religious communication and information systems // Religions and Churches in a Common Europe / János Wildmann (Ed.). Bremen : EHV – Europaeischer Hochschulverlag GmbH & Co KG, 2012.

12. *Кантор М.К.* История против прогресса: опыт культурно-исторической генетики. М. : Наука, 1992.

13. *Ильенков Э.В.* Философия и культура. Москва : Изд-во Моск. псих.-социал. ин-та ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2010.

14. *Ивин А.А.* Аксиология. М. : Высш. шк., 2006.

15. *Луман Никлас.* Реальность массмедиа / пер. с нем. М. : Праксис, 2005.

16. *Морозова С.В.* Культурология : учеб. пособие. Ч. 1, гл. 4. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook880/01/part-005.htm>

17. *Зверева В.* Предисловие // Массовая культура: современные западные исследования / пер. с англ. М., 2005. С. 10–19.

18. *Павлова Е.Д.* Сознание в информационном пространстве. М. : Academia, 2007.

19. *Марков Б.В.* Мораль и разум // Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. СПб., 2000.

20. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. : Языки славянской культуры, 2004.

21. *Тяжельникова В.С.* Отношение к власти в контексте исторической памяти // Политико-психологические проблемы исследования массового сознания / под ред. Е.Б. Шестопал. М., 2002.

22. *Симонов К.* Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине. М. : Книга, 1989.

23. *Рубцов А.* Примирение смерти подобно // Новая газета. 2016. № 26. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/03/13/71772-primirenie-smerti-podobno>

24. *Радзиховский Л.* Перегрузка // Рос. газ. 2017. 6 нояб. URL: <https://rg.ru/2017/11/06/leonid-radzhovskij-obshchestvo-ne-verit-v-revoliuciiu.html>

25. *Чураков Д.* Уроки и значение 1917 года // Лит. газ. 2017. № 1–2. URL: http://www.lgz.ru/article/-1-2-6582-18-01-2017/uroki-i-znachenie-1917-goda/?sphrase_id=1418793.

26. *Савин А.* Этот короткий XX век: положительные и отрицательные итоги Великой российской революции // Рос. газ. 2017. 9 нояб. URL: <https://rg.ru/2017/11/09/polozhitelnye-i-otricatelnye-itogi-velikoj-rossijskoj-revoliucii.html>

27. *Румянцев А.* Российская империя: последние дни: Хроника и топография событий // Там же. 2017. 3 марта; *Алексеев В.* Флигель памяти Ильича // СПб. ведомости. 2017. 6 июня; *Мазохина Н., Гуськова И.* Революция в песочнице: На открытках 1917 года политические персонажи представлены в виде детей // Там же. 2017. 22 сент.

28. *К юбилею Октябрьской революции Хотиненко снимет фильм о Ленине* // Рос. газ. 2017. 21 янв.; *Фейбисович В. Часы с фигурой носорога* // Там же. 2017. 26 янв.; *К 100-летию революции ТАСС запустил проект «Столкновение с бездной»* // Там же. 2017. 7 марта; *Ноты революции: В Петербурге поставили оперу «Октябрь» о событиях революции* // Там же. 2017. 28 сент.

29. *Выжutowич В. Наша история нас объединяет?: Тема с историком Геннадием Бордюговым* // Рос. газ. 2017. 19 окт. URL: <https://rg.ru/2017/10/19/gennadij-bordiugov-istoriia-sposobna-konsolidirovat-naciiu.html>

30. *ВЦИОМ. Пресс-выпуск. 2017. 11 окт. № 3488.* URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116446>

31. *Цаголов Г. Рапира и заветы Ильича* // Лит. газета. 2017. № 40. URL: <http://www.lgz.ru/article/-40-6616-11-10-2017/rapira-i-zavety-ilicha-40-2017/>

32. *Вертячих А., Глезеров С. Кто дал шанс большевикам?* // С.-Петербург. ведомости. 2017. 7 нояб.

33. *«Российские параллели: 1917–2017»: Лекция Григория Явлинского* // Нов. газ. 2017. 29 марта. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/03/29/71956-lektsiya-grigoriya-yavlinskogo-rossiyskie-paralleli-1917-2017>

34. *Лиманский Г., Игнатенко А. «Столетие Февральской революции. Начало русского бунта»: Лекция Андрея Зубова* // Нов. газ. 2017. 3 марта. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/03/03/71683-stoletie-fevral'skoy-revoljutsii-nachalo-russkogo-bunta-lektsiya-andreya-zubova>.

35. *Замостьянов А. 1917-й. Судьи и пересуды: раскол на красных и белых опасен* // Лит. газ. 2017. № 19. URL: http://www.lgz.ru/article/-19-6597-17-05-2017/1917-y-sudi-i-peresudy/?sphrase_id=875358

36. *На злобу века: На первом заседании исторического клуба «Родина» обсудили уроки Февральской революции* // Рос. газ. 2017. 16 февр.; *Этот короткий XX век: Положительные и отрицательные итоги Великой российской революции* // Там же. 2017. 9 нояб.; *Точка невозврата: Февраль 1917 года поставил крест на существовании Российской империи* // С.-Петербург. ведомости. 2017. 3 марта; *Кто дал шанс большевикам?* // Там же. 2017. 7 нояб.

37. *Бурдые П. О телевидении и журналистике / пер. с фр. М. : Фонд научных исследований «Прагматика культуры». Институт экспериментальной социологии, 2002.*

38. *Бежущие по волнам: В Русском музее открылась выставка о революции «Мечты о мировом расцвете»* // Рос. газ. 2017. 26 сент. URL: <https://rg.ru/2017/09/26/reg-szfo/v-russkom-muzee-otkrylas-vystavka-o-revoljucii-mechty-o-mirovom-rascvete.html>.

39. *На «Ленфильме» выставили огромный макет крейсера «Аврора»* // Рос. газ. 2017. 23 нояб. URL: <https://rg.ru/2017/11/23/reg-szfo/na-lenfilme-vystavili-ogromnyj-maket-krejsera-avrora.html>

40. *Глезеров С. Восемь пунктов генерала Деникина: [Интервью с историком Александром Пученковым]* // С.-Петербург. ведомости. 2017. 7 июня; *Гуськова И. Революция в песочнице: На открытках 1917 года политические персонажи представлены в виде детей: [Интервью искусствоведа Натальи Мозохиной]* // Там же. 2017. 22 сент.; *Фейбисович В. Часы с фигурой носорога* // Рос. газ. 2017. 27 янв.; *Сорокин А. «Просим открыть Кремль на Пасху...»: как В. И. Ленин в 1919 году разрешил отпраздновать Светлое Христово Воскресение в цитадели советской власти* // Там же. 2017. 13 апр.

41. *Энциклопедический социологический словарь / общ. ред. Г.В. Осипова. М. : РАН. Институт соц.-полит. исследований, 1995.*

42. *Березкин Л. Отмыгь вождя Октября* // С.-Петербург. ведомости. 2017. 3 окт.

43. *Сурнина И. ПIANИСТЫ начинают и выигрывают* // Лит. газ. 2017. № 40. URL: http://www.lgz.ru/article/-40-6616-11-10-2017/pianisty-nachinayut-i-vyigrayuyut/?sphrase_id=1418788

THE VALUES OF THE PAST IN THE HISTORICAL AND CULTURAL MEDIA DISCOURSE: UNDERSTANDING THE CENTENARY OF THE OCTOBER REVOLUTION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 54. 238–259. DOI: 10.17223/19986645/54/15

Viktor A. Sidorov, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: v.sidorov@spbu.ru

Keywords: centenary of revolution, media discourse, social memory, picture of the world, value analysis, “reference to value”.

The subject of the author’s interest is the media tendency to disclose a significant page of Russian history – the October Revolution. As a starting point of the research, the author has chosen a quotation of Marshal of the Soviet Union Georgy Zhukov, recorded by Konstantin Simonov: “There are three different memories. You can remember the evil. This is the first one. You can remember experience. This is the second one. You can remember the past, thinking about the future. This is the third one”. Three types of memory serve as three concepts of analysis. In fact, the words of the commander in a brief form contain the program of the research project, in which, first of all, the operationalization of the selected concepts is carried out, and the selection of media texts is subjected to examination.

Analysis of publications of 2017 in *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*, *Rossiyskaya Gazeta*, *Literaturnaya Gazeta* and *Novaya Gazeta* confirmed the possibility of using the evaluative research of media texts through “three different memories” parameters. In total, 239 texts were examined in the media which are typologically represented by one regional newspaper and three federal ones; two daily and two weekly media; one official media, two media loyal to the state policy and one opposition media. Russian press in 2017 is characterized by an objective-neutral approach while covering the anniversary of the historic event. This approach finds its expression, first of all, in materials of an informational character: modern cultural news, the chronicle of 1917, historical sketches (123 texts from 239 analyzed). Analytical materials also favor the position of “not forgetting experience” (79). It strengthens the characteristic of the discourse about the revolution that leans toward the “medial” position of the public opinion. However, in *Literaturnaya Gazeta* and *Novaya Gazeta* there is a maximum concentration of the expression of the authors’ political positions, and the value of the “October Revolution” concept is viewed from diametrically opposite directions. Generally, for the first time in recent years, the media attitude to the October Revolution was not marked by a distinct dominance of diametrically opposite evaluative principles. The evaluation of events that occurred a hundred years ago increasingly becomes the evaluation of the past, which was not actualized in the public sphere. This statement is based on at least two points: firstly, the author believes that the mass media reflect the most important aspects of the current public moods; secondly, the dominance of “mass culture” in the society reduces the level of its civic self-awareness averaging the content of the media and spreading the philistine philosophy of consumerism. Therefore, the production of “omnibuses” (media facts that do not divide society into feuding parties and cause universal consensus) begins to dominate in the media (in the words of Pierre Bourdieu). Thus, modern media practice indicates value-based reorientation which is taking place in the society.

References

1. Lotman, Yu.M. (2000) *Semiosfera: Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov: Stat'i. Issledovaniya. Zametki* [Semiosphere: Culture and Explosion. Inside the thinking worlds: Articles. Research. Notes]. St. Petersburg: Iskustvo–SPB. pp. 673–676.
2. Lotman, Yu.M. (2000) *Semiosfera: Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov: Stat'i. Issledovaniya. Zametki* [Semiosphere: Culture and Explosion. Inside the thinking worlds: Articles. Research. Notes]. St. Petersburg: Iskustvo–SPB. pp. 614–621.

3. Frolov, I.T. (ed.) (2001) *Filosofskiy slovar'* [Philosophical dictionary]. Moscow: Respublika.
4. Bakhtin, M.M. (2002) *Sobr. soch.: v 7 t.* [Collection of works: in 7 vols]. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari.
5. Uchenova, V.V. (2009) *Tri grani teorii zhurnalistiki* [Three facets of the theory of journalism]. Moscow: Aspekt Press. pp. 143–344.
6. Akhiezer, A.S. (2006) Sotsiokul'turnyy sub'ekt – perelom na rubezhe tysyacheletiy: prezumpsiya preodoleniya slozhnosti [Sociocultural subject – a turning point at the turn of the millennium: the presumption of overcoming complexity]. In: Sayko, E.V. (ed.) *Sub'ekt vo vremeni sotsial'nogo bytiya: Istoricheskoe vypolnenie prostranstvenno-vremennogo kontinuum sotsial'noy evolyutsii* [The subject in the time of social life: Historical fulfillment of the space-time continuum of social evolution]. Moscow: Nauka.
7. Lotman, Yu.M. (2000) Pamyat' v kul'turologicheskom osveshchenii [Memory in cultural interpretation]. In: Lotman, Yu.M. *Semiosfera: Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov: Stat'i. Issledovaniya. Zametki* [Semiosphere: Culture and Explosion. Inside the thinking worlds: Articles. Research. Notes]. St. Petersburg: Iskusstvo–SPB.
8. Vasil'ev, A.G. (2015) Kul'turnaya pamyat'/zabvenie i natsional'naya identichnost' [Cultural memory/oblivion and national identity]. In: Kochelyaeva, N.A. (ed.) *Kul'turnaya pamyat' v kontekste formirovaniya natsional'noy identichnosti Rossii v XXI veke* [Cultural memory in the context of the formation of the national identity of Russia in the 21st century]. Moscow: Sovpadenie.
9. Lifshits, M. (2013) *Problema Dostoevskogo: (Razgovor s chertom)* [Dostoevsky's problem: (Conversation with the devil)]. Moscow: Akadem. proekt: Kul'tura.
10. Beck, U. (2001) *Chto takoe globalizatsiya?* [What is globalization?]. Translated from German. Moscow: Progress-Traditsiya.
11. Ricceri, M. (2012) Religious messages and the world of the media: trends and experiences in Europe in the field of religious communication and information systems. In: Wildmann, J. (ed.) *Religions and Churches in a Common Europe*. Bremen: EHV – Europaeischer Hochschulverlag GmbH & Co KG.
12. Kantor, M.K. (1992) *Istoriya protiv progressa: opyt kul'turno-istoricheskoy genetiki* [History vs. progress: the experience of cultural historical genetics]. Moscow: Nauka.
13. Il'enkov, E.V. (2010) *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and culture]. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: NPO "MODEK".
14. Ivin, A.A. (2006) *Aksiologiya* [Axiology]. Moscow: Vyssh. shk.
15. Luhmann, N. (2005) *Real'nost' massmedia* [The reality of the mass media]. Translated from German. Moscow: Praksis.
16. Morozova, S.V. (2010) *Kul'turologiya* [Culture studies]. Pt. 1. Ch. 4. [Online] Available from: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook880/01/part-005.htm>.
17. Zvereva, V.V. (2005) Predislovie [Foreword]. In: Zvereva, V.V. (ed.) *Massovaya kul'tura: sovremennye zapadnye issledovaniya* [Mass culture: modern Western studies]. Translated from English. Moscow: Pragmatika kul'tury.
18. Pavlova, E.D. (2007) *Soznanie v informatsionnom prostranstve* [Consciousness in the information space]. Moscow: Academia.
19. Markov, B.V. (2000) Moral' i razum [Morality and reason]. In: Habermas, J. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral consciousness and communicative action]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka.
20. Assmann, J. (2004) *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination]. Translated from German. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
21. Tyazhel'nikova, V.S. (2002) Otnoshenie k vlasti v kontekste istoricheskoy pamyati [Relation to power in the context of historical memory]. In: Shestopal, E.B. (ed.) *Politiko-*

psihologicheskie problemy issledovaniya massovogo soznaniya [Politico-psychological problems of the study of mass consciousness]. Moscow: Aspekt Press.

22. Simonov, K. (1989) *Glazami cheloveka moego pokoleniya: Razmysleniya o I.V. Staline* [With the eyes of a person of my generation: Reflections on I.V. Stalin]. Moscow: Kniga.

23. Rubtsov, A. (2016) Primirenje smerti podobno [Reconciliation is similar to death]. *Novaya gazeta*. 26. [Online] Available from: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/03/13/71772-primirenje-smerti-podobno>.

24. Radzihovskiy, L. (2017) Perezagruzka [Reboot]. *Rossiyskaya gazeta*. 6 November. [Online] Available from: <https://rg.ru/2017/11/06/leonid-radzihovskij-obshchestvo-ne-verit-v-revoliutsiiu.html>.

25. Churakov, D. (2017) Uroki i znachenie 1917 goda [Lessons and Meaning of 1917]. *Literaturnaya gazeta* 1–2. [Online] Available from: http://www.lgz.ru/article/-1-2-6582-18-01-2017/uroki-i-znachenie-1917-goda/?sphrase_id=1418793.

26. Savin, A. (2017) Etot korotkiy XX vek: polozhitel'nye i otricatel'nye itogi Velikoy rossiyskoy revolyutsii [This short twentieth century: the positive and negative results of the Great Russian Revolution]. *Rossiyskaya gazeta*. 9 November. [Online] Available from: <https://rg.ru/2017/11/09/polozhitelnye-i-otricatelnye-itogi-velikoy-rossijskoy-revoliutsii.html>.

27. Rumyantsev, A. (2017) Rossiyskaya imperiya: poslednie dni: Khronika i topografiya sobytiy [Russian Empire: Last Days: Chronicle and Topography of Events]. *Rossiyskaya gazeta*. 3 March.

28. Rossiyskaya gazeta. (2017) K yubileyu Oktyabr'skoy revolyutsii Khotinenko snimet fil'm o Lenine [To the anniversary of the October Revolution, Khotinenko will shoot a film about Lenin]. *Rossiyskaya gazeta*. 21 January.

29. Vyzhutovich, V. (2017) Nasha istoriya nas ob'edinyayet?: Tema s istorikom Gennadiem Bordyugovym [Our history unites us: a topic with the historian Gennady Bordyugov]. *Rossiyskaya gazeta*. 19 October. [Online] Available from: <https://rg.ru/2017/10/19/gennadij-bordyugov-istoriia-sposobna-konsolidirovat-natsiiu.html>.

30. VTsIOM. (2017) Press-vypusk [Press release]. *VisIOM*. 3488. 11 October. [Online] Available from: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116446>.

31. Cagolov, G. (2017) Rapira i zavety Il'icha [The rapier and the covenants of Il'ich]. *Literaturnaya gazeta*. 40. [Online] Available from: <http://www.lgz.ru/article/-40-6616-11-10-2017/rapira-i-zavety-ilicha-40-2017/>.

32. Vertyachikh, A. & Glezerov, S. (2017) Kto dal shans bol'shevikom? [Who gave a chance to the Bolsheviks?]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 7 November.

33. Novaya gazeta. (2017) "Rossiyskie paralleli: 1917–2017": Lektsiya Grigoriya Yavlinskogo ["Russian Parallels: 1917–2017": Lecture by Grigory Yavlinsky]. *Novaya gazeta*. 29 March. [Online] Available from: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/03/29/71956-lektsiya-grigoriya-yavlinskogo-rossiyskie-paralleli-1917-2017>.

34. Limanskiy, G. & Ignatenko, A. (2017) "Stoletie Fevral'skoy revolyutsii. Nachalo russkogo bunta": Lektsiya Andrey Zubova ["The centenary of the February revolution. The Beginning of the Russian Riot": Lecture by Andrey Zubov]. *Novaya gazeta*. 3 March. [Online] Available from: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/03/03/71683-stoletie-fevral'skoy-revolutsii-nachalo-russkogo-bunta-lektsiya-andreya-zubova>.

35. Zamos'tyanov, A. (2017) 1917-y. Sud'i i peresudy: raskol na krasnykh i belykh opasen [1917. Judges and gossip: the split into the Red and the White is dangerous]. *Literaturnaya gazeta*. 19. [Online] Available from: http://www.lgz.ru/article/-19-6597-17-05-2017/1917-y-sudi-i-peresudy/?sphrase_id=875358.

36. Rossiyskaya gazeta. (2017) Na zlobu veka: Na pervom zasedanii istoricheskogo kluba "Rodina" obsudili uroki Fevral'skoy revolyutsii [On the topic of the century: At the first meeting of the history club "Homeland" the lessons of the February Revolution were discussed]. *Rossiyskaya gazeta*. 16 February.

37. Bourdieu, P. (2002) *O televidenii i zhurnalistike* [On television and journalism]. Translated from French. Moscow: Pragmatika kul'tury; Institute of Experimental Sociology.
38. Rossiyskaya gazeta. (2017) Begushchie po volnam: V Russkom muzee otkrylas' vystavka o revoliutsii "Mechty o mirovom rastsvete" [Running on the waves: The Russian Museum opens an exhibition about the revolution "Dreams of the World Flourishing"]. *Rossiyskaya gazeta*. 26 September. [Online] Available from: <https://rg.ru/2017/09/26/reg-szfo/v-russkom-muzee-otkrylas-vystavka-o-revoliutsii-mechty-o-mirovom-rastsvete.html>.
39. Rossiyskaya gazeta. (2017) Na "Lenfil'me" vystavili ogromnyy maket kreysera "Aurora" [Lenfilm exhibited a huge model of the cruiser "Aurora"]. *Rossiyskaya gazeta*. 23 November. [Online] Available from: <https://rg.ru/2017/11/23/reg-szfo/na-lenfilme-vystavili-ogromnyy-maket-krejsera-avrora.html>.
40. Glezerov, S. (2017) Vosem' punktov generala Denikina: [Interv'y u s istorikom Aleksandrom Puchenkovym] [Eight points of General Denikin: [Interview with the historian Alexander Puchenkov]]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 7 June.
41. Osipova, G.V. (ed.) (1995) *Entsiklopedicheskiy sotsiologicheskiy slovar'* [Encyclopedic sociological dictionary]. Moscow: Institute of Social and Political Sciences, RAS.
42. Berezkin, L. (2017) Otmyt' vozhdya Oktyabrya [To wash the leader of the October clean]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 3 October.
43. Surmina, I. (2017) Pianisty nachinayut i vyigryvayut [Pianists start and win]. *Literaturnaya gazeta*. 40. [Online] Available from: http://www.lgz.ru/article/-40-6616-11-10-2017/pianisty-nachinayut-i-vyigryvayut/?sphrase_id=1418788.